

Понедельник, 30 октября 2017 г.

Национализм как детская болезнь

В середине 1980-х годов я был молодым экономистом в Международном валютном фонде, работая в испанской экономической команде МВФ. Наша группа периодически отправлялась в Мадрид, чтобы проконсультироваться с правительством по вопросам экономической политики и подготовить отчёты, в которых указывались основные экономические проблемы, стоящие перед властями, и внимательно изучить, что делается для их решения.

Первая половина этого десятилетия была непростым временем для Испании. Основные секторы экономики, — например, сталелитейная промышленность и судостроение, — находились в кризисе из-за появления более дешёвых производителей в других странах мира. Экономический рост был вялым, а уровень безработицы — одним из самых высоких в Европе.

К тому времени, когда я присоединился к испанской команде в 1985 году, уже была проведена серьёзная программа экономических реформ, целью которой было подготовить испанскую экономику к предстоящему вступлению в Европейское сообщество, как тогда назывался Евросоюз. Что больше всего впечатлило меня во время этих визитов, так это степень, в которой перспектива вступления в ЕС заставляла правительство более глобально смотреть на экономическую политику, расширяя своё видение за рамки макроэкономической стабильности и обращая внимание на весь диапазон отраслевых и институциональных реформ с целью фундаментальной модернизации всей испанской экономики. Я помню, в частности, реформы, направленные на облегчение притока прямых иностранных инвестиций для содействия интеграции испанской экономики с остальной Европой, — а в действительности, и со всем миром. Я понял, что при грамотной реализации это приведёт не только к массовому притоку недолгового капитала, но и к появлению в стране ноу-хау, способных преобразить стареющие производительные силы страны. Будучи выходцем из Латинской Америки, которая в то время никак не могла выбраться из трясины страшного кризиса внешней задолженности (для неё это было потерянное десятилетие практически без экономического роста), я помню, что думал тогда, как же повезло испанцам: они присоединятся к клубу богатых стран, твёрдо приверженных демократическим принципам и желающим помочь им успешно осуществить этот переход.

Испания присоединилась к ЕС 1 января 1986 года, и в течение следующих двух десятилетий это была одна из лучших стран Европы. В годы после вступления в ЕС Испания не только испытала массовый приток иностранного капитала, поскольку иностранные фирмы стремились извлечь выгоду из более низкой стоимости испанской рабочей силы и свободного доступа к крупному европейскому рынку, но также получала

большие и щедрые ассигнования из бюджета ЕС для финансирования регионального развития, включая модернизацию тогдашней ветхой физической инфраструктуры.

Излишне говорить, что эти преобразования в большей или меньшей степени затронули все регионы страны, в том числе, конечно же, и Каталонию. В фундаменте всего этого лежал важный принцип, закреплённый в законодательстве ЕС: более богатые государства-члены передают ресурсы беднейшим членам в рамках процесса сокращения разрыва в доходах между странами, в результате чего неравенство внутри стран ЕС значительно сократилось.

В конце 1990-х годов я покинул МВФ, но с большим интересом продолжал следить за развитием событий в Испании и неоднократно посещал эту страну и многие её прекрасные регионы. Мне кажется, что главный урок вступления в Европу для неё был более политическим и психологическим, чем экономическим. Я полагаю, что членство Испании в ЕС усилило международное влияние на неё, привело к существенному повышению эффективности и, постепенно, к изменению стиля мышления людей и их психологических шаблонов; правительство в Мадриде и основные части испанского населения, похоже, все больше привыкали к идее, что их страна прочно укоренилась в демократических традициях своих партнёров из ЕС, в том числе в отношении соблюдения норм права и неоспоримого чувства европейского гражданства как основной формы самоидентификации.

Альберт Эйнштейн, питавший глубокую неприязнь к махровому национализму, причинившему столько бед в течение XX века, однажды сказал, что национализм — это «детская болезнь», «корь человечества». Это явление нежелательное и, в сущности, признак незрелости. Он согласился с Исайей Берлином, который считал, что это «переходный этап, наступивший из-за обострения национального самосознания, сдерживаемого и насильственно подавленного деспотическими лидерами», и что, как «патологическое воспаление», он со временем уменьшится, когда прекратятся притеснения, вызвавшие его.

В течение множества поездок в Барселону за эти годы я часто ощущал фундаментальную несостоятельность стремления к «независимости» в определённых слоях населения в то время, когда этот регион стал активным участником самого амбициозного и творческого проекта экономической и политической интеграции в мире: Европейского Союза. Спокойно пользуясь щедростью немцев, шведов и других богатых членов-налогоплательщиков, которые помогли превратить Каталонию в динамичный сектор испанской экономики, эти же люди возмущались тем фактом, что в свете своего нового процветания они отдают бюджетные ресурсы в некоторые из бедных регионов Испании. Но, что более важно, я чувствовал, что желающие покинуть Испанию и создать независимую республику страдают от чрезмерно усиленного чувства жертвы, — то есть, идеи о том, что интересы региона, если перефразировать Берлина, должны подняться до уровня высшей ценности, «перед которой должны померкнуть все остальные соображения». Я не мог не удивляться: в каком веке живут эти люди!

Психолог Эрих Фромм упомянул национализм как разновидность инцеста, идолопоклонства и безумия. Бертран Рассел, который считал национализм проявлением стадного инстинкта, однажды написал:

«Весьма странно, что акцент на достоинствах собственной нации следует считать добродетелью. Что мы подумали бы о человеке, который провозглашает: "Я морально и интеллектуально превосхожу всех других людей, и из-за этого превосходства имею право игнорировать все интересы, кроме своих собственных"? Несомненно, есть множество людей, которые именно так себя и ощущают, но если они слишком открыто заявляют об этом своём чувстве и действуют в согласии с ним слишком откровенно, их считают больными. Но когда некое собрание таких лиц, составляющих население какой-то области, коллективно делает аналогичное заявление о себе, они считаются благородными, великолепными и энергичными людьми. Они воздвигают друг другу статуи и учат школьников восхищаться самыми крикливыми сторонниками национального тщеславия».

Националистические идеологии постепенно отомрут, столкнувшись с рядом серьёзных глобальных проблем, вроде изменения климата, распространения ядерного оружия, нищеты и социального неравенства. В ближайшие годы мы будем вынуждены укреплять наши механизмы международного сотрудничества и учиться мыслить, во всё более взаимозависимом мире, об интересах всего мира, а не той или иной отдельно взятой страны или региона. Наша способность находить решения этих проблем будет основываться на растущем признании единства человечества и наших совместных действиях с ощущением единства нашей цели. Мы можем принять участие в этом неизбежном процессе глобальной экономической и политической интеграции — или тщетно стремиться к миру ограниченных привязанностей, наших «малых Родин», которые быстро исчезают. Надеюсь, что скорее раньше, чем позже, наши каталонские братья и сёстры должны будут осознать этот факт.

Опубликовал: Аугусто Лопес-Кларос, [14:57](#)